

пользоваться этим сочинением для реконструкции древних мифов еще более рискованно, чем эддическими песнями. Ограничусь поэтому только одним примером, в определенном смысле показательным. Я имею в виду рассказ об изготовлении пут Глейпнир. Для того чтобы связать Волка, уже порвавшего две цепи, коими боги пытались его обуздать, Всеотец послал под землю к неким карлам, и они изготовили чудесные путы. «Шесть сутей соединены были в них: шум кошачьих шагов, женская борода, корни гор, медвежья жила, рыбе дыхание и птичья слюна. И если ты прежде о таком и не слыхивал, — продолжает Высокий, просвещающий Ганглери [т. е. конунга Гюльви, жаждущего мудрости и знаний], — ты можешь и сам, рассудив, убедиться, что нет тут обману: верно, примечал ты, что у жен бороды не бывает, что неслышно бегают кошки и нету корней у гор. И такая же суцая правда и все прочее, что я тебе рассказал, пусть кое-что из этого и нельзя проверить». Ганглери отвечает: «И правда, можно поверить, что это так: ясно мне все то, что привел ты сейчас для при- меру»²¹.

Для истолкования этого места полезно помнить, что Высокий, за именем которого скрывается Один, — мудр и всеведущ, тогда как внемлющий ему Ганглери-Гюльви, хотя и назван «мужем мудрым», на самом деле скорее наивный простак. Высокий наставляет его в знаниях, но вместе с тем, видимо, и играет с ним²².

Игра? Но это игра с крайне серьезной темой. Это тема мирового зла и конца света. Волка вырастили у себя асы, но, получив прорицание, что он рожден им на гибель, они хотят обуздать его. Путы Глейпнир оказались прочными, и Волк не может их порвать. С мечом в пасти, распирающим челюсти, лежит он, пока не придет конец света.

Таким образом, шутовское описание неправдоподобных пут, обладающих невероятными качествами, нужно воспринимать в связи с темой вражды богов с Волком и грядущего конца мира. Несерьезное, смеховое сопряжено здесь с мрачным, с трагической судьбой богов. Когда Волк стал рваться из пут, а они все сильнее врезались в его тело, боги засмеялись (кроме Тюра, поплатившегося за обман правой рукой, которую вложил в качестве заклада в пасть Волка). Но не радостен этот смех: ведь всем ведомо, что Волк будет убийцей Одина...

Какие бы изменения ни претерпели мифы под пером Снорри, в приведенном отрывке из «Младшей Эдды» явственно ощущим все тот же принцип, о котором шла речь выше: смешное, ироничное и трагическое, серьезное взаимно проникают друг друга. Таково восприятие мира и богов древними скандинавами. Правильно понять их комику богов можно, по моему убеждению, только учитывая неразрывное сочетание «верха» и «низа», сакрального и профанирующего в их «модели мира».

* * *

Возвратимся к вопросу, поставленному в начале статьи.

Есть ли что-либо общее между гротеском средневековой латинской литературы и осмеянием богов в эддических песнях?

Различия между скандинавской культурой, языческие корни которой прощупываются и в текстах XIII в., и культурой латинского средневековья, проникнутой церковным духом, очевидны и вряд ли нуждаются в комментариях. Перед нами два разных мира. Совершенно различна трактовка в них высших сил. Всеблаговому и всесовершенному богу христиан противостоят языческие асы, которым приписываются нарушения всяческих нрав-

²¹ «Младшая Эдда». Издание подготовили О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1970, с. 32.

²² Ср. «Песнь о Харбарде», ст. 18: «... веревку они [девы, которых соблазнял Харбард]// из песка свивали, // землю копали // в глубокой долине...», т. е. предпринимали невозможное, пытаясь противостоять любовным домогательствам Харбарда-Одина.